

Д. Бранденбергер

Роль насилия и фальсификаций при подготовке протоколов допросов эпохи сталинизма

Широко известно, что следователи органов госбезопасности сталинского периода применяли к задержанным пытки, различные формы давления и фальсифицировали протоколы их допросов. Иногда такие способы получения «доказательств» были официально разрешены, в большинстве случаев — являлись частью неофициальной повседневной практики правовых ведомств¹.

Несмотря на известный характер сталинской репрессивной системы, сегодня многие ученые пытаются некритически использовать протоколы допросов рассматриваемого периода в качестве источников для исторических исследований. Эта статья призвана на трех уровнях показать ошибочность такого подхода. Во-первых, авторы этих работ используют примитивную или непоследовательную методологическую базу для анализа документов, которые привели к миллионам ложных обвинений. Во-вторых, даже самое осторожное использование таких источников игнорирует недавние работы в области неврологии и когнитивной, социальной и клинической психологии, которые убедительно показывают, что принуждение и пытки подрывают способность допрашиваемых давать точные показания. В-третьих, авторы этих работ недооценивают факт, что советские органы госбезопасности систематически фальсифицировали протоколы допросов.

Для обоснования вышеприведенных утверждений в статье рассмотрены свидетельства А. В. Путинцева, следователя Министерства государственной безопасности (МГБ), печально известного своей причастностью к «ле-

**Бранденбергер
Дэвид**
PhD истории,
профессор,
Университет Ричмонда
(Ричмонд, США)

нинградскому делу» 1949–1952 гг. Позже, в рамках судебных разбирательств против самого Путинцева, на основании его собственных признаний и показаний его жертв детально описывались жестокое обращение с подсудимыми и фальсификация протоколов во время допросов, что дает редкую возможность оценить не только бесчеловечность и циничность репрессивной системы, но и то, насколько ненадежно ее архивное наследие.

Эта статья ставит под сомнение возможность использования протоколов допросов сталинской эпохи в качестве надежных источников для современных исторических исследований. Даже если в конкретных записях не содержится убедительных доказательств пыток, давления или фальсификации, факт повсеместной распространенности этих практик требует, чтобы современные историки считали такие источники скомпрометированными.

* * *

После распада СССР в 1991 г. ряд ученых, публицистов и журналистов стали использовать протоколы допросов сталинской эпохи как в качестве источника по истории жизни и деятельности отдельных персоналий, так и в более обобщенных исторических исследованиях. Большинство из них подходят к проблеме без должной критики, не выражая никакого сомнения в их содержании². Некоторые утверждают, что эти документы были подготовлены в соответствии со всеми стандартами, «в рамках советской правовой системы», и поэтому должны считаться в целом надежными³. Другие признают, что правовая система была репрессивной, но утверждают, что показания жертв были достоверными и могут рассматриваться как своего рода «вынужденные воспоминания»⁴. Еще одна группа ученых признает субъективный характер этих материалов, но все равно использует их, считая, что они содержат слишком ценную информацию, чтобы ее игнорировать⁵. Они призывают к особой осторожности при работе с этими документами, но не уточняют, как корректировать источники⁶.

Есть, конечно, более осторожные ученые (хотя их и немного), которые предлагают конкретные приемы работы с протоколами допросов. Однако среди них нет согласия о том, как именно подходить к этому материалу. Некоторые историки обращают внимание на утверждения, состоящие из неуклюжих или неразговорных выражений, считая такие слова и фразы признаком манипуляции со стороны следователей⁷. Другие утверждают, что можно выявить фальсификации, отыскав текст, содержащий нетипичные лексические формулировки, не соответствующие остальным свидетельствам⁸. Предлагается также отделять правду от вымысла с помощью выявления логических или повествовательных несоответствий⁹ или проверять надежность информации путем сравнения с другими источниками¹⁰. Есть ученые, которые настаивают на том, чтобы подобные источники использовались только в качестве справочной информации, и выступают против ссылки на какие-либо материалы, непосредственно связанные с расследуемым уголовным делом¹¹.

Среди предлагаемых методик есть идея, сводящаяся к тому, чтобы делить протоколы допросов на более и менее надежные. Некоторые ученые,

например, утверждают, что дела «рядовых» людей в меньшей степени подвергались манипуляциям и фальсификациям, чем дела важных и весомых персон¹². Другие предполагают, что расследования, направленные на получение не только признаний, но и дополнительной информации, следует рассматривать как более надежные¹³. Также есть мнение, что материалы дел, которые никогда не предназначались для публичного рассмотрения, скорее всего, менее политизированы¹⁴. Можно встретить и утверждение о том, что некоторые виды подследственных подвергались меньшему принуждению и пыткам — высокопоставленные руководители, бывшие следователи НКВД, немецкие военнопленные офицеры и т. д.¹⁵ Однако нельзя доказать надежность ни одного из этих методов в данный момент из-за отсутствия подробных знаний о повседневной практике допросов.

Отсутствие методологической строгости в анализе протоколов допросов усугубляется тем, что ученые сегодня совершенно не учитывают, как пытки и другие формы принуждения, запугивания и давления искажают показания и приводят к ложным признаниям. Большая часть исследований о воздействии пыток и иных форм принуждения заканчивается выводами о том, что давление побуждает подозреваемых и свидетелей давать ложные показания. Такие методы допроса часто включают меры, вызывающие стресс, тревогу, физическую боль и чувство социальной изоляции. Помимо насилия и угрозы физической расправы, также используется сенсорная депривация, лишение сна и пищи и причинение других форм телесного дискомфорта (сковывание, одиночное заключение и т. д.). Методы допросов часто включают в себя различного рода психологические манипуляции, начиная от использования обмана и заканчивая дружественным поведением и ложными обещаниями. Все это призвано дезориентировать допрашиваемого.

Недавние исследования в области биомедицины показывают, что пытки негативно влияют на основные функции мозга, препятствуя его способности точно воспроизводить информацию. Стресс, например, ухудшает память, настроение и познавательные способности, стимулируя выработку гормонов стресса, таких как кортизол, которые подавляют работу гиппокампа, части мозга, ответственной за эпизодическую память¹⁶. Физическое и психологическое насилие обычно вызывает резкий рост уровня кортизола. Но даже простое ограничение свободы ускоряет выброс гормонов стресса¹⁷. Длительное воздействие гормонов стресса вызывает изменения в мозге, уменьшая объем гиппокампа и префронтальной коры¹⁸. Длительное пребывание человека в состоянии стресса, по словам нейробиолога Шейнс О'Мара, в конечном итоге делает невозможным получение точной информации, поскольку «экстремальные стрессовые состояния не улучшают функцию памяти, даже в условиях, которые должны вызвать воспоминания. Данные показывают, что экстремальные стрессовые условия значительно ухудшают возможность извлечения из памяти информации», особенно эпизодических воспоминаний, касающихся того, что с кем произошло, где, когда и как¹⁹.

Биомедицинские исследования показывают, что страх мешает задержанным давать точные показания. Чувство страха приводит к изменению

функционирования мозга, смещая активность из областей коры в его стволовую часть. И если первый отдел отвечает за различные виды познавательной деятельности, то второй руководит стратегией выживания по принципу «бей или беги». Этот сдвиг в мозговой активности ограничивает способность допрашиваемого давать подробные, точные и детальные показания, и это без учета влияния кортизола. Такая реакция обычно связана с заботой о личной безопасности, но также вызывается тревогой за безопасность и благополучие других²⁰.

Не только пытки и иные формы принуждения воздействуют на заключенных. Унизительные условия содержания в неволе ограничивают возможность человека давать объективные ответы на вопросы. Исследования показывают, что лишение сна снижает когнитивные функции мозга, приводит к потере умения последовательно излагать факты и делает подсудимого уязвимым для внушения²¹. На физиологическом уровне депривация сна ухудшает процесс воспроизведения воспоминаний, особенно негативно влияя на точность и четкость этой информации²². Недоедание, как и постоянное воздействие жары и холода, также ограничивает мыслительные способности²³. Степень недостоверности информации в протоколах допросов дополнительно возрастает в связи с появлением чувства усталости, беспомощности и отчаяния из-за условий содержания²⁴.

Исследования в области социальных наук убедительно показывают, что даже когда следователи не применяют физическое насилие при допросах, психологическое давление с их стороны часто приводит к «липовым» показаниям. Обман, дезинформация, ложные обещания и другие способы вывести подозреваемых из психологического равновесия делают их уязвимыми для внушений. Использование такой тактики в ходе бесконечных допросов может побудить задержанных изменить свои показания, повторять за следователем недостоверную информацию и даже оговорить себя²⁵.

Этот обзор выводов исследований в области социальных наук, неврологии и когнитивной, социальной и клинической психологии показывает, что многие стандартные формы допросов — будь то пытки или психологическое давление и манипулирование — способны существенно исказить показания задержанных. Данные исследования доказывают, что практики содержания и допрашивания влияют на всех подсудимых — от рядовых людей до партийных руководителей, фашистских коллаборантов и немецких военнопленных.

Кроме перечисленных проблем с получением достоверных показаний, сомнение вызывает и качество самих записей. Во-первых, большинство из архивного наследия, полученного в результате допросов, представляет собой протоколы, а не стенограммы. Если стенографические отчеты предназначены для дословной расшифровки показаний подсудимого или свидетеля, то протоколы просто суммируют сказанное в течение всего допроса. Более того, протоколы, как правило, составлялись следователем, а затем просто удостоверялись и подписывались допрашиваемым. Хотя методические пособия для сотрудников правоохранительных органов предписывали следователям составлять протоколы «по возможности» с использованием дословных показаний,

их не следует путать с записью допроса или реальными словами допрашиваемого²⁶.

Во-вторых, далеко не очевидно, что следователи составляли протоколы с соблюдением этических норм²⁷. Показания во многих протоколах часто кажутся специально отобранными только из тех частей допроса, которые казались следователю относящимися к делу. Избирательность в передаче информации, которая вдобавок помещалась вне контекста повествования, может привести к ее неправильной интерпретации. Хуже того, многие обвиняемые жаловались на то, что протоколы, которые их заставили подписать, были сфальсифицированы следователями и неточно отражали их показания. Часть следователей добавляла детали и «приукрашивала» признания. Другие выдумывали целые заговоры с чистого листа, а затем принуждали подозреваемых ложно свидетельствовать против себя²⁸. Поскольку фальсификация таких протоколов не была официально одобрена партийной верхушкой (в отличие от пыток, разрешенных во время Большого террора), следователи старались скрыть все следы этой практики. Поэтому сегодня практически невозможно отличить правдивые протоколы от выдуманных, кроме тех случаев, когда субъекты этих преступных расследований выжили и сами рассказали о фальсификациях²⁹.

Влияние пыток на ход следствия и пример фальсификации следственных дел можно увидеть, обратившись к делу А. В. Путинцева³⁰, помощника начальника Следственного отдела по особо важным делам МГБ СССР с 1948 по 1954 г. Путинцев — опытный следователь, допрашивавший таких видных арестантов, как А. А. Власов и Я. Г. Этингер. Он сыграл заметную роль в допросе ряда жертв «ленинградского дела» 1949–1952 гг. Двое его подследственных, И. М. Турко³¹ и Т. В. Закржевская³², были приговорены к 15 и 10 годам тюремного заключения и выжили. Позже они дали показания против него в 1954 г., когда их дела пересматривала прокуратура СССР.

В ходе допроса 29 января 1954 г. Турко заявил, что следователи МГБ вынудили его дать нужные им показания. Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко подробно процитировал интервью Турко в своем докладе Н. С. Хрущеву в феврале того же года. По словам Турко:

<...> Действительно, на предварительном следствии я подписал протоколы, в которых признавал себя виновным в совершении ряда контрреволюционных преступлений, и подтвердил свою виновность на суде, несмотря на то что я никаких преступлений не совершал и виновным себя ни в чем не считал и не считаю. Показания же о якобы совершенных мною преступлениях я вынужден был дать в результате созданного мне тюремного режима, угроз со стороны следствия, помещения в карцер и систематических избиений.

Сразу же после ареста меня вызвал следователь Путинцев и, не предъявляя каких-либо обвинений, начал в грубой форме требовать от меня признаний в совершенных мною преступлениях. Я заявил следователю, что не знаю, за что я арестован, т[ак] к[ак] никаких преступлений я не совершал. На это мне Путинцев ответил: «Подумайте. А чтобы легче было думать, я вас отправлю в военную тюрьму». В тот же день я был отправлен в Лефортовскую тюрьму, где и проходило следствие.

Меня систематически в ночное время вызывал следователь Путинцев и требовал, чтобы я сознался во вражеской деятельности и угрожал, что, если я не сознаюсь, меня будут бить. Путинцев говорил мне, что они не таких, как я, уламывали. Но так как я отрицал

свою вину, Путинцев начал меня систематически избивать на допросах. Он бил меня по голове, по лицу, бил ногами. Однажды он меня так избил, что пошла из уха кровь. После таких избиений следователь направлял меня в карцер. Он угрожал уничтожить мою жену и детей, а меня осудить на 20 лет лагерей, если я не признаюсь.

Когда я заявлял следователю, что не знаю в чем я виноват, он говорил мне, что в своих показаниях я должен исходить из того, что существует вражеская антипартийная группа во главе с Кузнецовым³³ и Попковым³⁴ и что я являюсь участником этой группы. При этом Путинцев заявлял, что я арестован по указанию правительства и меня все равно осудят. Он заявлял мне, что следствие — это голос Центрального Комитета партии и, ведя борьбу со следствием, я веду борьбу с ЦК.

Несмотря на это, я продолжал отрицать свою вину. Однажды Путинцев повел меня в кабинет к полковнику Комарову³⁵, который начал на меня кричать и требовать, чтобы я сознался в совершенных преступлениях, заявляя, что все арестованные вместе со мной уже признались и остался лишь я один. На мой ответ Комарову, что я ни в чем не виноват, он схватил меня и ударил головой о стенку, после чего вызвал дежурного и отправил меня в камеру.

Во время этих допросов никаких протоколов не велось.

Спустя некоторое время Путинцев вызвал меня и предложил подписать заранее составленный им протокол моего допроса. На мое замечание, что в этом протоколе все неправда и возводится клевета на А. А. Жданова³⁶, Путинцев заявил, что они ведут следствие невзирая на лица. Я отказался подписать этот протокол, тогда Путинцев меня избил и бросил в карцер.

В результате такого бесчеловечного обращения со мной, систематических избиений, применения карцера, лишения сна я потерял способность к сопротивлению и подписал все, что мне предлагал следователь <...>

Во время моих допросов в кабинет неоднократно заходил подполковник Рюмин³⁷, который также требовал, чтобы я давал показания, говорил, что меня нужно убить за то, что я отрицаю свою вину, а на мое заявление, что меня бьют, Рюмин ответил: «Мы бьем и этого ни от кого не скрываем...»³⁸

Т. В. Закржевская, допрошенная в тот же день, представила столь же душераздирающий рассказ о том, что ей пришлось пережить из-за Путинцева и его коллег:

<...> Показания, которые я давала на предварительном следствии и в суде, я не подтверждаю, так как они не соответствуют действительности, а давала я их потому, что находилась в тяжелом моральном и физическом состоянии. Я очень болезненно переживала мое исключение из партии, а последовавший за этим арест совершенно подорвал мои силы.

К моменту ареста я была беременна и, находясь в Лефортовской тюрьме, у меня получилась выкидыш. Несмотря на то, что я была больна, меня систематически в ночное время вызывали на допросы и требовали признания в совершенных мною преступлениях. Допрашивали меня следователи Родин, Путинцев и Комаров. Я заявляла им, что не знаю, в чем я виновата, тогда они потребовали рассказать, что мне известно о Кузнецове и о недостатках в работе партийных организаций Ленинграда. Я не знала, можно ли говорить о партийных делах на следствии, тогда следователь Родин заявил мне: «Здесь все можно говорить. Партия — это мы». На это я ответила, что — «Вы не партия». На другой день Родин, коснувшись вчерашнего разговора, заявил: «Мы не партия, но мы передовой отряд партии».

По требованию следователей я рассказала об отдельных известных мне лично фактах антипартийного поведения Кузнецова, а также рассказала то, что мне стало известно из решения ЦК КПСС. Я рассказала о недостатках партийной работы в Ленинграде, о которых я узнала на пленуме и бюро горкома партии и которые мне были известны из материалов, представляемых райкомами партии. Эти мои объяснения не удовлетворили следователей,

и Комаров потребовал у меня, чтобы я призналась в преступной связи с Кузнецовым, заявив, что у них есть уже по этому вопросу материалы, однако я продолжала отрицать эту связь.

Тогда меня вызвал Абакумов³⁹, который также потребовал признаться в преступных связях с Кузнецовым. Спустя некоторое время мне начали давать на подпись протоколы моих допросов, в которых искажалось действительное положение дел, а фактам придавался совершенно иной смысл. На мое заявление о том, что в действительности дело обстояло не так, как записано в протоколах, что формулировки в протоколах не мои, — мне отвечали, что так нужно. Когда я отказывалась подписывать протоколы, мне заявили, что уже все признались, и в подтверждение этого показали протоколы других арестованных <...>⁴⁰

Р. А. Руденко в своем рапорте отметил, что другой человек, ложно осужденный по «ленинградскому делу», — Ф. Е. Михеев⁴¹ — подтвердил показания Турко и Закржевской столь же мрачным рассказом⁴².

1 февраля команда Руденко опросила самого Путинцева. Недавно уволенный из МГБ и сам находящийся под следствием, Путинцев отверг обвинения Турко в избиениях, но признал, что пытался сломить его волю с помощью одиночного заключения. Путинцев также признался в фальсификации протокола допроса Турко. Он сказал, что сделал это по настоянию Абакумова и с санкции своего непосредственного начальника В. И. Комарова⁴³. Другие бывшие сотрудники МГБ подтвердили Руденко, что фальсификация протоколов МГБ была обычной практикой⁴⁴.

И. М. Турко также сообщил, что за неделю до суда, 30 сентября 1950 г., Путинцев начал готовить его к даче ложных показаний в суде. Накануне этого суда Путинцев заставил Турко всю ночь заучивать наизусть протоколы⁴⁵. Другой следователь, В. К. Носов, предупредил Турко, чтобы он не смел менять показания, выступая перед Военной коллегией Верховного суда СССР. «Суд идет и пройдет, а вы останетесь у нас», — угрожал Носов. Позже Турко вспоминал: «Я это понял так, что, если я в суде откажусь от показаний и расскажу о том, как со мной поступали на следствии, то меня снова будут бить...»⁴⁶ Схожие показания Закржевской и Михеева убедили Руденко в том, что все трое были осуждены несправедливо, отчасти с помощью принуждения и пыток⁴⁷.

Спустя несколько лет Путинцев начал активно обращаться в Комиссию партийного контроля (КПК). Это произошло после дела «антипартийной группы» в 1957 г., когда КПК начала расследование в отношении Г. М. Маленкова и Н. А. Булганина. Путинцев, осужденный в 1954 г. по ст. 193–17 п. «б» УК РСФСР (злоупотребление властью или превышение власти приотягчающих обстоятельствах) и приговоренный к 12,5 годам лишения свободы, видимо, надеялся снискать расположение властей и добиться пересмотра своего дела. В течение следующих двух лет он написал не менее 15 писем в КПК, ЦК, XXI съезду партии, в Прокуратуру СССР и самому Хрущеву. Он рассказывал о своей работе в МГБ под руководством Маленкова и Булганина. Описывая злоупотребления властью своих руководителей (а также Абакумова и Берии), Путинцев привел яркие подробности того, как он и его коллеги склоняли подсудимых к даче показаний против самих себя.

Наиболее подробным является письмо Путинцева от 29 июля 1959 г., написанное после его временного перевода из заключения в Нижнем Тагиле

в Москву в Бутырскую тюрьму. Письмо достаточно впечатляющее, чтобы воспроизвести его полностью.

**Письмо А. В. Путинцева в Комиссию партийного контроля
29 июля 1959 года⁴⁸**

В Комиссию Партийного Контроля при ЦК КПСС от заключенного бывшего следователя МГБ СССР ПУТИНЦЕВА Арсения Васильевича, 1917 года рождения, уроженца с. Пеневицы, Хвастовичского района, Калужской области, русского, состоявшего членом КПСС с 1940 года, осужденного в июне 1955 года Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 193–17 п. «б» УК РСФСР к 12 1/2 годам лишения свободы.

О преднамеренном создании Маленковым, Булганиным, Берия и Абакумовым обстановки беззакония и произвола в бывшем Министерстве государственной безопасности.

12 лет (с 1941 по 1953 г.) я находился на следственной работе в центральном аппарате МГБ СССР, и все эти годы был свидетелем того, как Маленков, Булганин, Берия и Абакумов использовали следственные органы МГБ не для охраны государственной безопасности, а в целях упрочения своей личной власти и осуществления связанных с этим интриг.

Результатом таких корыстных действий явились многочисленные необоснованные аресты «неудобных лиц», или просто невинных граждан, вроде советских врачей, случайно попавших в орбиту очередной интриги.

Необоснованные аресты в свою очередь повлекли за собой практику фальсификации следственных документов и принуждения невинно арестованных давать и подписывать ложные показания.

Маленков, Булганин, Берия и Абакумов сознательно насаждали эту систему фальсификации, о чем свидетельствуют факты⁴⁹. Вскоре после окончания Отечественной войны, по интригам и с ведома Маленкова, Булганина и Берия были арестованы, а затем и осуждены видные командиры Советской Армии — генерал-полковник Гордов⁵⁰, быв[ший] Маршал Советского Союза Кулик⁵¹ и Маршал авиации Ворожейкин⁵².

Вина их, главным образом, состояла в том, что они в разговорах между собой высказывали недоброжелательное отношение к Маленкову, Булганину и Берия.

Единственным документом, на основании которого было принято решение об их аресте, оказались сводки секретного подслушивания на квартирах Кулика и Ворожейкина. При этом Ворожейкину были инкриминированы лишь домашние беседы с его женой, поскольку ничего другого методом подслушивания добыть не удалось.

Характерно, что при решении вопроса о предании Ворожейкина суду И. В. Сталин спросил: «Не освободить ли нам Ворожейкина из тюрьмы?» Но Берия, при поддержке Маленкова и Булганина, настоял на осуждении арестованного маршала. Об этом факте мне рассказывал Рюмин, поскольку я имел отношение к следствию по делу Ворожейкина.

На этом примере можно видеть, как Маленков, Булганин и Берия расправлялись с неудобными им лицами.

В своем заявлении на имя 21[-го] съезда КПСС от 10 января 1959 года⁵³ я уже сообщал, что Маленковым, при поддержке Булганина и Берия, в корыстных целях было создано т[ак] н[азываемое] «ленинградское дело»⁵⁴, а несколько позже, при участии Берия, — т[ак] н[азываемое] «дело врачей»⁵⁵.

К приведенным мною тогда фактам надо добавить, что по т[ак] н[азываемому] «делу врачей», с целью подтверждения вымысла Маленкова о существовании среди врачей шпионской террористической группы, следователи, выполняя данные им указания, не только жестоко избивали арестованных, но и произвели нажим на врачей-экспертов, в результате чего было получено сфальсифицированное заключение медицинской экспертизы.

В числе сфальсифицированных групповых дел необходимо также назвать «дело автозаводцев»⁵⁶ и «дело Еврейского антифашистского комитета»⁵⁷. Оба этих дела, в курсе которых были Маленков, Булганин и Берия, имели антисемитскую подоплеку, что резко противоречило марксистско-ленинской национальной политике.

Все это, однако, не помешало применять к некоторым арестованным по этим делам, особенно по «делу автозаводцев», меры физического воздействия для получения требуемых показаний.

Проявлением чудовищной жестокости Маленкова является санкционирование им кровавой расправы над 13 обвиняемыми по т[ак] н[азываемому] «делу Еврейского антифашистского комитета», в числе которых был видный революционер и старый большевик Лозовский⁵⁸. Указанную санкцию Маленков дал после того, как ему было доложено о несостоятельности обвинений, предъявленных этим 13 арестованным.

Совершая в МГБ СССР беззакония, Абакумов выступал в роли надежного сообщника Маленкова, Булганина и Берия. Полностью усвоив их стиль подмены государственных интересов личными, Абакумов также прибегал к использованию доверенного ему аппарата МГБ для сведения своих личных счетов.

Не поладив на какой-то почве с бывшим зам[естителем] министра внутренних дел СССР И. А. Серовым⁵⁹, Абакумов в 1948 году раздул большое дело о неправильном использовании трофейного имущества, в бытность Серова Уполномоченным по Германии. По этому делу было арестовано несколько генералов и офицеров из аппарата Уполномоченного, и допросами их в течение нескольких месяцев занималась почти вся след[ственная] часть по особо важным делам, хотя это дело никакого отношения к охране государственной безопасности не имело.

Маленков и Абакумов, одержимые властолюбием, в этой своей страсти дошли наконец до того, что стали плести интриги друг против друга.

Следствием всей этой преступной интриганской деятельности явилось то, что к концу 1952 года избияния арестованных приняли, подобно 1937 году, массовый характер. При этом была даже разработана и введена методика экзекуций. Арестованного, не дающего требуемых показаний, заводили в отдельный кабинет, и там два младших офицера из тюремного надзора, под руководством бывшего начальника Внутренней тюрьмы МГБ Миронова⁶⁰, били жертву по обнаженному телу резиновыми палками и плетками.

В камере такие арестованные целыми днями содержались в наручниках.

Мало того, Миронов тогда же приступил к изготовлению кандалов, которые должны были увенчать инквизиторскую систему физического воздействия на арестованных.

Доведенные до отчаяния, иные арестованные приходили к выводу, что предпочтительнее ужасный конец, чем бесконечные ужасы.

Из ранее приведенных мною фактов видно, что Маленков, Булганин и Берия, преследуя личные цели, создавали искусственные дела, влекшие за собой многочисленные аресты невинных советских людей.

Однако встает вопрос — знали ли Маленков, Булганин и Берия об избияниях арестованных с целью получения ложных показаний и одобряли ли они всю эту преступную практику?

Да, знали и одобряли. И вот доказательства тому.

Допрашивая в 1950 году в Лефортовской тюрьме арестованного по т[ак] н[азываемому] «ленинградскому делу» — Н. В. Соловьева⁶¹, они нисколько не удивились заявлению последнего, что его избивали на следствии. Больше того, Берия тогда, поддерживаемый Маленковым и Булганиным, бросил арестованному реплику: «Мало вас били!»

Далее. Проверая в 1951 году заявление Рюмина и решая вопрос о привлечении

к ответственности Абакумова, Маленков и Берия не хотели даже слушать о чинимом Абакумовым произволе и, в частности, о незаконных арестах и избиениях арестованных. Наоборот, они обвинили Абакумова в «погашении» дел и недостаточном развороте следствия на арестованных лиц.

Применительно к Абакумову это звучало парадоксально, но именно так Маленков и Берия сформулировали тогда его вину.

Иными словами, Маленков и Берия брали курс на усиление репрессий и на дальнейшее расширение незаконных арестов.

Первым результатом их усилий в этом направлении было создание т[ак] н[азываемого] «дела врачей» и последовавшие затем массовые избиения арестованных.

Знали ли Маленков, Булганин и Берия о фальсификации т[ак] н[азываемых] «обобщенных» протоколов в отсутствие арестованных и о том, что записанные в них показания являются ложными, надуманными?

Да, знали.

С давних пор в МГБ СССР была установлена практика, когда сфальсифицированные Броверманом⁶², в отсутствие арестованных, т[ак] н[азываемые] «обобщенные» протоколы допроса печатались в секретариате Абакумова на пишущей машинке и давались на подпись арестованному в 3–4 экземплярах.

Один из этих экземпляров направлялся основному адресату, второй — Маленкову, а другие — неподписанные арестованным экземпляры — посылались Булганину и Берия.

Маленков, Булганин и Берия хорошо знали, что согласно закону, протоколы допроса должны писаться следователем от руки или оформляться стенограммой. Однако на направляемых им машинописных экземплярах грифа «стенограмма» не было, а сам размер протоколов, достигавший 30–40 печатных страниц и обозначаемое время допроса (5–6 часов), не позволили бы даже самому гениальному следователю написать такой протокол в присутствии арестованного, притом так грамотно и без единой помарки.

Затем, по самому содержанию этих протоколов допроса было сразу видно, что они являются продуктом фальсификации. Почти во всех таких протоколах вопросы следователя, придуваемые Броверманом, и им же измышленные «шапки» ответов арестованного, как правило, не соответствовали приводимым далее фактам, отличавшимся зачастую своей незначительностью и никак не подтверждавшим быющие на эффект «шапки» ответов.

Например, многие «обобщенные» протоколы допроса по т[ак] н[азываемому] «ленинградскому делу», после фальсификации их Броверманом и Комаровым, выглядели примерно так. На вопрос: «Рассказывайте о совершенных вами преступлениях», следовала сочиненная Броверманом «шапка» ответа, будто арестованный признает, что он являлся участником антипартийной группы, существовавшей в Ленинграде. В подтверждение же этой «шапки» приводились затем такие смехотворные, по своей незначительности, факты, как преподнесение мнимыми участниками группы подарков друг другу, их дружеские встречи в домашней обстановке, обмен приветственными и поздравительными телеграммами и тостами, встречи и проводы на вокзалах, произнесение здравниц и т. д.⁶³

Маленков, Булганин и Берия великолепно, конечно, понимали всю нелепость таких показаний и хорошо знали им цену. Тем не менее эти показания их устраивали. Ведь не случайно, например, при допросе Соловьева, Маленков, Булганин и Берия не стали касаться данных им на следствии показаний и даже пресекли его попытку остановиться на них. Маленков тогда сказал Соловьеву: «Ваши показания мы читали. Можете их не повторять».

Таким образом становится совершенно очевидным, что Маленков, Булганин и Берия не только были инициаторами создания искусственных дел, но хорошо знали и поощряли фальсификацию следственных документов.

К сказанному следует добавить, что Маленков, Булганин и Берия полностью были в курсе и других грубейших нарушений социалистической законности, творившихся в МГБ СССР. К числу таких нарушений относится прежде всего то, что большинство арестованных содержались в тюрьмах МГБ СССР без суда по нескольку лет, а некоторые арестованные генералы Советской Армии считались находящимися под следствием 10 лет подряд⁶⁴.

Копии списков содержащихся в тюрьмах МГБ СССР без суда и следствия нескольких десятков арестованных генералов неоднократно направлялись Маленкову, Булганину и Берия, однако они никаких мер к прекращению этого вопиющего произвола не принимали.

Правда, как я уже сообщал, в 1946 году в МГБ СССР для рассмотрения этих дел приезжал Булганин, но он, несмотря на имеющиеся у него широкие полномочия и права, ничего не сделал для того, чтобы восстановить справедливость и законность.

Впрочем, от Булганина трудно было и ожидать этого, поскольку он сам давал указания о незаконных арестах, как это было, например, с генерал-майором Токаревым, которого Булганин бросил в тюрьму за мелкий служебный проступок.

В заключение считаю необходимым привести некоторые факты, объясняющие, каким образом Абакумову и его сообщникам удавалось, даже не прибегая подчас к мерам физического воздействия, добиваться от многих арестованных вымышленных показаний, угодных Маленкову, Булганину и Берия.

Вместе с тем я хочу доложить и о том, как насаждавшийся Маленковым, Булганиным, Берия и Абакумовым произвол был из центрального аппарата МГБ СССР в значительной мере перенесен и во все местные органы государственной безопасности.

Основой т[ак] н[азываемой] «тактики» допросов в МГБ СССР являлся обман арестованных, подобный тому, к которому прибегал Маленков при допросе обвиняемых по т[ак] н[азываемому] «ленинградскому делу».

Начиная допрашивать, например, арестованных М. Вознесенскую⁶⁵ и Н. В. Соловьева, Маленков лживо обещал им от имени ЦК КПСС пощадку, если они дадут развернутые показания об антипартийной деятельности, якобы проводимой в Ленинграде.

Абакумов и его сообщники — Леонов⁶⁶, Комаров, Лихачев⁶⁷ и Шварцман⁶⁸ во время допросов также имели обыкновение дать арестованному понять, что они заключены в тюрьму по указанию инстанции, а раз так, то отказ давать показания будет расцениваться как попытка спорить с партией.

Одновременно они говорили арестованным, что органы МГБ — это партийный аппарат и таким путем внушали, что их голос — это будто бы голос партии.

Многие следователи, беря пример со своих непосредственных начальников и зная, что Маленков, Булганин и Берия действительно причастны к большинству арестов, тоже делали на допросах аналогичные ссылки на партийные органы.

Если учесть, что большинство арестованных, числившихся за следственными органами центрального аппарата МГБ, являлись честными советскими гражданами, состоявшими до ареста в партии, то станет понятным, почему некоторые из них, услышав ссылку на партийные инстанции, соглашались подписывать протоколы, в которых отдельные проступки и случайные высказывания квалифицировались, как антипартийная и даже вражеская деятельность.

Уговаривая арестованных признать такую квалификацию и подписать сфальсифицированные протоколы допроса, следственные работники доказывали обвиняемым, что как раз такую оценку их проступкам дали партийные органы.

И надо сказать, многие арестованные верили этому и без особого сопротивления подписывали сфабрикованные протоколы допроса.

В частности, именно так уговаривал арестованного Соловьева подписать т[ак] н[азываемый] «обобщенный» протокол допроса бывший зам[еститель] начальника след-части Комаров.

Когда же Соловьев высказал некоторые возражения по поводу «слишком резких» шапок ответов, сфабрикованных Броверманом, Комаров заявил ему приблизительно следующее: «Так ведь это только остро сформулированная партийная оценка проступков, о которых вы показали. Сами же эти проступки не так уж страшны, и вас за них строго не накажут. Напротив, чем вы будете строже и резче давать оценку, тем к вам снисходительнее отнесутся, так как будет видно, что вы все глубоко прочувствовали и пережили».

После этого Соловьев подписал протокол допроса, но, как известно, на суде он потом от этих показаний отказался.

В период следствия по делу Соловьева аналогичные мысли высказывал и Абакумов, когда однажды допрашивал его в Лефортовской тюрьме. Примерно таким же методом склоняли к подписи «обобщенных» протоколов допроса и других арестованных ленинградцев.

Облегчалась эта задача тем, что Маленков, как я уже сообщал, в 1949 году, еще до возникновения т[ак] н[азываемого] «ленинградского дела», навязал ленинградским партийным и советским работникам мысль о существовании в их городе антипартийной оппозиции.

В тех случаях, когда арестованные, несмотря на все уговоры, отказывались давать требуемые показания, тогда к ним применялись меры физического воздействия. Например, когда арестованный Соловьев отказался подтвердить наличие у него террористических намерений, Абакумов передал это дело Рюмину и приказал ему вместе с Комаровым избивать арестованного. Причем эту жестокую меру в отношении Соловьева позже одобрили Маленков, Булганин и Берия.

Необходимо сказать, что Маленков, Булганин и Берия не только одобряли чинимый в МГБ СССР произвол, но явно насаждали его, проявляя при этом свою заботу о том, чтобы сохранять и поощрять тех работников, которые лучше всего овладели методом фальсификации следственных дел и научились без слов угадывать, какие показания они хотят иметь от того или иного арестованного.

Именно этим объясняется, что таким известным фальсификаторам, как Абакумов, Леонов, Комаров, Шварцман, Лихачев и Соколов⁶⁹ дана была возможность в течение многих лет безнаказанно совершать преступления.

Особенно характерно в этом свете отношение Маленкова и Берия к бывшему зам[естителю] начальника следчасти Соколову, который научился безошибочно угадывать их требования, умел при отсутствии серьезных материалов раздуть любое дело и затем даже без помощи Бровермана успешно сфабриковать протокол допроса.

По этой причине Соколову было поручено руководить следствием по т[ак] н[азываемому] «делу врачей» и т[ак] н[азываемому] «делу автозаводцев», а также лично вести следствие в отношении Н. Вознесенского⁷⁰ и Попкова, считавшихся основными обвиняемыми по т[ак] н[азываемому] «ленинградскому делу».

Когда в 1952 году, как рассказывал Рюмин, И. В. Сталин стал советоваться — не арестовать ли Соколова, в его защиту выступил Маленков. В 1953 году, когда вскрылась фальсификация т[ак] н[азываемого] «дела врачей», Соколова от ареста спас уже Берия, взявший его под личную опеку.

Вслед затем Соколов был подключен к работе по делу Абакумова, а чуть позже — и по делу Рюмина.

Так было вплоть до разоблачения Берия.

Выше я касался лишь беззакония, насаждавшегося Маленковым, Булганиным, Берия и Абакумовым в центральном аппарате МГБ СССР. Но это беззаконие, хотя и в меньших размерах, было распространено также и на местные органы МГБ.

На следственную часть по особо важным делам было возложено не только ведение следствия по т[ак] н[азываемым] «особо важным делам», но и контроль за работой всех следственных аппаратов органов госбезопасности на местах.

Постановка дела в следственной части по особо важным делам считалась для местных органов МГБ образцом, которому они старались подражать.

С другой стороны, специальная т[ак] н[азываемая] «периферийная группа» следчасти, руководимая Леоновым и Шварцманом, прямо насаждала культивируемые ими в МГБ СССР методы следствия.

Отсюда становится понятным, почему на периферии то там, то здесь появлялись сфальсифицированные групповые и одиночные следственные дела.

К этому надо добавить, что подготовка кадров для местных органов в Высшей школе МГБ СССР происходила под непосредственным руководством сообщников Абакумова, выступавших в роли преподавателей.

Например, такой предмет, как «допрос обвиняемых», по кафедре спецдисциплин № 3 читали Леонов, Шварцман и Соколов.

Можно себе представить, какую «методику» допроса обвиняемых преподносили слушателям Высшей школы эти преподаватели. Достаточно сказать, что свои лекции они иллюстрировали живыми примерами из практики следственной части, а «теоретические» выкладки Соколов, например, черпал из противозаконного проекта т[ак] н[азываемого] «наставления следователю МГБ СССР», в основном одобренного Маленковым, Булганиным и Берия.

Таким образом является очевидным, что Маленков и Булганин, действуя заодно с Берия и Абакумовым, создали в органах КГБ СССР обстановку беззакония и произвола, вводили эти органы в сторону от выполнения задач по охране государственной безопасности, в корыстных целях подвергали жестоким репрессиям честных партийных, советских и военных работников и тем нанесли колоссальный вред партии и Советскому государству.

С настоящим заявлением я обращаюсь в Центральный Комитет КПСС, руководствуясь исключительно чувством справедливости и нетерпимости к людям, которые, злоупотребив своим высоким положением, совершили тяжкие преступления против своего народа, партии и государства. В заявлении я сообщил правду и только правду.

Для себя лично я никакого снисхождения не прошу.

За выполнение преступных указаний в период работы в следчасти по особо важным делам МГБ СССР я наказан правильно и установленный судом и законом срок наказания фактически уже отбыл.

29 июля 1959 г.
Бутырская тюрьма.

Путинцев

* * *

Этот случай показывает, что Путинцев и его коллеги из МГБ, добиваясь искажения показаний и самооговоров, использовали все методики, которые современная неврология, когнитивная, социальная и клиническая психология называют действенным способом давления. По его собственному признанию, он намеренно истязал подсудимых, используя боль, стресс и тревогу. Помимо физического насилия и угрозы физической расправой, Путинцев применял различные формы психологического принуждения: сенсорную депривацию, лишение сна, голод, запугивания и пыточные формы содержания (кандалы, карцер и т. д.). По словам свидетеля А. И. Иванова, Путинцев с гордостью рассказывал про подход, которого придерживались он и его коллеги-следователи, работавшие под началом Абакумова.

Существует, — говорил Путинцев, — две категории преступников — это пойманные с поличным, которых легко осудить. Вторая категория — потенциальные преступники, люди, способные совершить преступления в будущем. Задача органов МГБ — раскрыть и осудить таких преступников. Для их осуждения нужны факты. Чтобы добыть эти факты, нужно применить особые методы. Два метода используются в следственной практике работников МГБ: первое — применение физического воздействия с целью разрушить нервную систему и сломить волю обвиняемого к сопротивлению; второе — применение мер психического воздействия с целью заставить человека потерять веру в своих сограждан, друзей, в себя⁷¹.

Если обычный набор физических и психических пыток не приносил желаемого результата, то Путинцев и его коллеги с готовностью фальсифицировали протоколы допросов.

Методики МГБ оказали существенное влияние на показания подследственных Путинцева в рамках «ленинградского дела». Он не только добился от Турко, Закржевской и Михеева ложных показаний, но и, очевидно, склонил своих жертв к сотрудничеству и заставил играть роль раскаявшихся преступников в ходе судебного процесса. Такой опыт был, по-видимому, настолько травматичен, что потерпевшие, например Михеев, впоследствии оказались не в состоянии вспомнить ничего о том периоде, кроме очевидного бреда⁷². Это состояние когнитивного коллапса было подтверждено еще одним следователем Абакумова из МГБ — Л. С. Коровиным — при обсуждении его издевательств над А. Ф. Эйденовым в связи с упомянутым выше «делом автозаводцев». По словам Коровина, «когда же арестованный, обработанный таким образом, давал показания, то, как сейчас мне понятно, трудно было в его показаниях определить правду от вымысла, правду от того, что он показал для того, чтобы отделаться от следствия и облегчить свою участь»⁷³.

Таким образом, протоколы допросов сталинской эпохи полностью скомпрометированы теми методами, с помощью которых они создавались. пытки и принуждение, по-видимому, были достаточно обычным явлением, чтобы поставить под сомнение надежность этих записей как исторического источника, содержащего хоть сколько-нибудь достоверную информацию о жизни и опыте подследственных. Эти же факторы позволяют усомниться в возможности их использования для исследования более широких политических, культурных и социальных явлений. Хотя эта статья и не отрицает, что такие документы иногда могут содержать потенциально ценную информацию, на данный момент нет методологически надежного способа провести различие между правдой и вымыслом в их содержании⁷⁴.

Сегодня известно слишком мало о том, как велись допросы, чтобы создать релевантную методологию отделения в рассматриваемых документах правды от вымысла. По крайней мере, пока архивы бывших ОГПУ — НКВД — МГБ остаются недоступными, практически невозможно использовать такие материалы для исследований с должной степенью научной строгости, осторожности и критичности. Протоколы допросов сталинской эпохи могут быть использованы в качестве исторического источника только в тех случаях, когда все детали подтверждаются другими документами, не относящимися к органам госбезопасности и партийной элите.

¹ Поджур Р., Ченцов В. Документы органов государственной безопасности УССР 1920–1930-х годов: источниковедческий анализ. Тернополь, 2010. С. 278–279.

² См., например: Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005.

³ Prusin A. V. “Fascist Criminals to the Gallows!” The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945 — February 1946 // *Holocaust and Genocide Studies*. 2003. Vol. 17, no. 1. P. 17, 21; *Penter T.* Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64, no. 4. P. 784; *Viola L.* Stalinist Perpetrators on Trial: Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine. New York, 2017. P. 7; *Viola L.* New Sources on Soviet Perpetrators of Mass Repression: a Research Note // *Canadian Slavonic Papers*. 2018. Vol. 60, no. 3–4. P. 601.

⁴ Репников А. В. Из опыта публикации документов следственных дел политического характера // Гуманитарный вестник. 2012. № 4 (23). С. 22; Рокитянский Я. Г. Н. В. Тимофеев-Ресовский в Германии и на Кубанке // Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н. В. Тимофеева-Ресовского. Документы. М., 2003. С. 121–132.

⁵ Следственное дело патриарха Тихона: сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / отв. сост. Н. А. Кривова. М., 2000. С. 55; Панеях В. М. К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, новое и новейшее время: сб. ст. в честь члена-корреспондента РАН С. М. Каштанова. Ростов, 2003. С. 303–319; Ананьич Б. В., Панеях В. М. Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1931 гг.». Вып. 1) // IN MEMORIAM: исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 87–111; *Penter T. Local Collaborators on Trial. Soviet War Crimes Trials under Stalin (1943–1953) // Cahiers du Monde russe. 2008. 49/2–3. P. 361–363; Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии, 1936–1938 гг. М., 2010. С. 7; Соколов М. В. Пражский репортаж перед расстрелом: Александр Потехин. «Лицо эмиграции» (1932) // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2014. Т. 16. С. 295–362; Соколов М. В. Евразиец пишет генералиссимусу (По материалам архивно-следственного дела П. Н. Савицкого) // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 2012–2014 год / под ред. М. А. Колерова. М., 2015. С. 496–542; *Киянская О. И., Фельдман Д. М.* Показания А. Гарри о положении иностранных корреспондентов в СССР (1930 год) // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 321; *Ганин А. В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 358.

⁶ Рокитянский Я. Г. Голгофа Николая Вавилова: биограф. очерк // Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биограф. очерк. Документы. М., 1999. С. 85; *Ватлин А. Ю.* Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области, 1937–1938 гг. М., 2004. С. 8–9; *Тепляков А. Г.* Машина террора. ОГПУ — НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 23–24; *Юнге М.* Возможности и проблемы изучения Большого террора с помощью источников 1938–1941 и 1954–1961 годов (допросы карателей) // История сталинизма: репрессированная российская провинция: материалы междунар. науч. конф., Смоленск, 9–11 окт. 2009 г. М., 2011. С. 63–70.

⁷ Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. А. К. Соколова. М., 2004. С. 186–189; *Kuromiya H. The Voices of the Dead. Stalin's Great Terror in the 1930s. New Haven, 2015. P. 10; Дюков А. Р.* К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ — НКВД // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3 (47). С. 83.

⁸ Ананьич Б. В. «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. 1999. Вып. 2 (120). С. 346; *Kuromiya H. The Voices of the Dead. Stalin's Great Terror in the 1930s. P. 10; Viola L. New Sources on Soviet Perpetrators of Mass Repression: a Research Note. P. 601.* А. Р. Дюков указывает, что, поскольку большинство этих материалов представляют собой протоколы, составленные самими следователями, наличие нетипичных терминов, выражений и оборотов не обязательно следует воспринимать как признак заведомой фальсификации. См.: *Дюков А. Р.* К вопросу о допустимости использования следственных показаний... С. 82–83.

⁹ *Kuromiya H. The Voices of the Dead. Stalin's Great Terror in the 1930s. P. 10.*

¹⁰ *Rossmann J. Worker Resistance Under Stalin Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge, 2005. P. 17; Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940-м). М., 2012. С. 220; Літопис УПА. Нова серія. Т. 9: Боротьба проти повстанського руху і націоналістичного підпілля: протоколи допитів заарештованих радянськими органами державної безпеки керівників ОУН і УПА. 1944–1945 / упор. О. Іщук, С. Кокін. Київ; Торонто, 2007. С. 17; *Журавлев С. В.* Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация. С. 186, 202–203; *Kuromiya H. The Voices of the Dead. Stalin's Great Terror in the 1930s. P. 11; Дюков А. Р.* К вопросу о допустимости использования следственных показаний... С. 84; *Brandenberger D., Atosova A., Pivovarov N. The Rise and Fall of a Crimean Party Boss: Nikolai Vasil'evich Solov'ev and the Leningrad Affair // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71, no. 6. P. 951–971.*

- ¹¹ *Ананьич Б. В.* «Академическое дело» как исторический источник. С. 346; *Exeler F.* The Ambivalent State: Determining Guilt in the Post-World War II Soviet Union // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75, no. 3. P. 610–611.
- ¹² *Журавлев С. В.* Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация. С. 169–170.
- ¹³ *Дюков А. Р.* К вопросу о допустимости использования следственных показаний... С. 82–83.
- ¹⁴ *Журавлев С. В.* Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация. С. 169–170; *Дюков А. Р.* Руководитель госбезопасности Литвы А. Повилайтис на Лубянке. Проблема достоверности следственных показаний // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История*. 2020. № 1 (53). С. 45.
- ¹⁵ *Дюков А. Р.* «Протекторат Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости. М., 2013; Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных, 1944–1951 / сост. В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. М., 2009; *Хохлов Д. Ю.* Архивные уголовные дела как источник по истории Второй мировой войны // *Труды Института российской истории РАН*. М., 2014. Вып. 12. С. 318–327; *Viola L.* New Sources on Soviet Perpetrators of Mass Repression: a Research Note. P. 601; *Дюков А. Р.* К вопросу о допустимости использования следственных показаний... С. 83.
- ¹⁶ *O'Mara S.* Why Torture Doesn't Work. The Neuroscience of Interrogation. Cambridge, 2015. P. 117; The Effects of Stress and Stress Hormones on Human Cognition: Implications for the Field of Brain and Cognition / S. J. Lupien, F. Maheu, M. Tu, A. Fiocco, T. E. Schramek // *Brain and Cognition*. 2007. Vol. 65, iss. 3. P. 216.
- ¹⁷ *O'Mara S.* Why Torture Doesn't Work. P. 133–135; *Hebb D. O., Heron W., Bexton W. N.* The Effect of Isolation upon Attitude, Motivation and Thought // *Military Medicine I: Defense Research Board 4th Symposium*, Ottawa, 8–10 December 1952, Ottawa, 1952.
- ¹⁸ *Roosendaal B., McEwen B. S., Chattarji S.* Stress, Memory and the Amygdala // *Nature Reviews Neuroscience*. 2009. Vol. 10, no. 6. P. 423–433.
- ¹⁹ *O'Mara S.* Why Torture Doesn't Work. P. 126–127. Хотя некоторые последствия пыток могут носить временный характер, продолжительное применение этих методов вызывает физические изменения, разрушение нервной ткани и необратимое нарушение функционирования мозга. Длительное воздействие гормонов стресса не только снижает способности мозга, но также может привести к потере тканей и остановить образование новых клеток в гиппокампе. Длительное воздействие стресса также увеличивает миндалевидное тело, что повышает выработку организмом гормонов, таких как кортизол, и, таким образом, еще больше повреждает мозг в периоды сильного стресса. См.: *Ibid.* P. 123–126, 106–107; *Roosendaal B., McEwen B. S., Chattarji S.* Stress, Memory and the Amygdala. P. 423–433.
- ²⁰ *O'Mara S.* Why Torture Doesn't Work. P. 144–145.
- ²¹ *Blasgrove M.* Effects of Length of Sleep Deprivation on Interrogative Suggestibility // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 1996. Vol. 2, no. 1. P. 48.
- ²² *O'Mara S.* Why Torture Doesn't Work. P. 164, 163, 157. Постоянное недосыпание может даже физически повредить мозг: «У страдающих хронической бессонницей объем гиппокампа уменьшается в среднем на несколько процентов по сравнению с нормально спящими людьми» (*Ibid.* P. 162).
- ²³ *O'Mara S.* Why Torture Doesn't Work. P. 92–94, 96, 201.
- ²⁴ *Fong A.* Interrogations and False Confessions: How the Innocent are Made Guilty // *Southern California Review of Law and Social Justice*. 2021. Vol. 30, no. 2. P. 381–382; *Police-Induced Confessions: Risk Factors and Recommendations* / S. Kassin, S. Drizin, T. Grisso et al. // *Law and Human Behavior*. 2010. Vol. 34. P. 16.
- ²⁵ *Police-Induced Confessions: Risk Factors and Recommendations*. P. 10, 28. Исследования показывают, что частота ложных признаний коррелирует со случаями, когда подозреваемых подвергали длительным многочасовым допросам.
- ²⁶ *Криминалистика*. Кн. 1: Техника и тактика расследования преступлений: учебник для слушателей правовых вузов / под ред. А. Я. Вышинского. М., 1935. С. 208.
- ²⁷ Нормы для составления протоколов допроса описаны в «Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР» (М., 1935. С. 31–32, 48–49).

²⁸ См., например: Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавской А. Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава (1937–1938). Ленинградский военный округ. СПб., 2013. С. 113–117.

²⁹ В последнее время многие из упомянутых выше предположений были применены и к анализу других юридических документов сталинской эпохи, в частности протоколов и стенограмм судебных процессов, несмотря на то, что такие разбирательства зачастую носили политический, нежели юридический характер. Подсудимых регулярно заставляли заранее заучивать свои показания на основе фальсифицированных протоколов допросов и пытали, когда они отклонялись от сценариев. Но даже самым осторожным из числа исследователей часто требуется только мимолетное подтверждение, чтобы заявить о правдивости судебных протоколов и стенограмм. См.: Эхо большого террора: сб. документов: в 3 т. Т. 2: Документы из архивных уголовных дел на сотрудников органов НКВД УССР, осужденных за нарушения социалистической законности (октябрь 1938 г. — июнь 1943 г.), кн. 1–3. М., 2018–2021; Т. 3: Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности». Эго-документы 1938–1941 гг. М. 2018. С. 515–526; Чекисты на скамье подсудимых: сб. статей / сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Россман. М., 2017. См. также: *Penter T. Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators; Dumitru D. An Analysis of Soviet Postwar Investigation and Trial Documents and Their Relevance for Holocaust Studies // The Holocaust in the East: Local Perpetrators and Soviet Responses / ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Pittsburgh, 2014. P. 142–157. Исключением является: Exel-ler F. Nazi Atrocities, International Law and Soviet War Crimes Trials // The New Histories of International Criminal Law: Retrials / ed. by I. Tallgren, T. Skouteris. Oxford, 2019. P. 213–219.*

³⁰ Путинцев Арсений Васильевич (1917–?) — сотрудник органов госбезопасности. В августе 1941 г. следователь следственной части 3-го управления НКО СССР; в 1941–1943 гг. следователь, старший следователь управления особых отделов НКВД СССР; в 1943–1946 гг. заместитель начальника отделения Управления контрразведки «СМЕРШ» НКО СССР; в 1946–1948 гг. старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР; в 1948–1954 гг. помощник начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР; в 1954 г. уволен в запас и затем осужден Военной коллегией Верховного суда СССР (далее — ВКВС) к 12,5 годам заключения. Не реабилитирован.

Участие Путинцева в массовых фальсификациях протоколов допросов было зафиксировано в расследовании дела Абакумова. См.: Политбюро и дело Виктора Абакумова: сб. документов / под. ред. О. Б. Мозохина. М.; Берлин, 2021. С. 159–162, 164–166, 188–189, 300–301, 337, 342–343, 369, 667, 672.

³¹ Турко Иосиф Михайлович (1908–1987) — директор Ленинградского фарфорового завода «Пролетарий» (1937–1940), 1-й секретарь Красногвардейского РК ВКП(б) (1940–1944), секретарь ЛОК ВКП(б) (1944–1946), 1-й секретарь Ярославского ОК ВКП(б) (1944–1949), заместитель председателя Владимирского облисполкома (1949). Арестован 24 августа 1949 г. 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС к 15 годам заключения. Реабилитирован.

³² Закржевская Таисия Владимировна (1908–1986) — секретарь, 1-й секретарь Куйбышевского РК ВКП(б) (1941–1948); работник аппарата ЦК ВКП(б) (1948); заведующая отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЛОК ВКП(б) (1948–1949). Арестована 27 июля 1949 г. 30 сентября 1950 г. приговорена ВКВС к 10 годам заключения. Реабилитирована.

³³ Кузнецов Алексей Александрович (1905–1950) — находился на комсомольской работе (1924–1932); инструктор Ленинградского горкома (далее — ЛГК) ВКП(б), второй секретарь Смольнинского райкома ВКП(б), первый секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) (1932–1937), второй секретарь Ленинградского обкома (далее — ЛОК) ВКП(б) (1937–1938), второй секретарь ЛГК ВКП(б) (1938–1945), первый секретарь ЛГК и ЛОК ВКП(б) (1945–1946). С марта 1946 по январь 1949 г. — секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б). С апреля 1946 по июль 1948 г. — начальник Управления кадров ЦК ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны — член Военных советов Северного и Ленинградского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота (далее — КБФ), член Военного совета 2-й ударной армии Волховского фронта. Арестован 13 августа 1949 г. 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС к высшей мере наказания (далее — ВМН). Расстрелян 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

³⁴ Попков Петр Сергеевич (1903–1950) — председатель исполкома райсовета Ленинского района г. Ленинграда (1937–1938), председатель Ленгорисполкома, член бюро ЛГК ВКП(б) (1939–1946), один из организаторов обороны Ленинграда; первый секретарь ЛГК и ЛОК ВКП(б) (1946–1949). Арестован 13 августа 1949 г. 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС к ВМН. Расстрелян 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

³⁵ Комаров Владимир Иванович (1916–1954) — сотрудник органов госбезопасности, заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, полковник. Арестован 26 июля 1951 г. Обвинялся в преступлениях, предусмотренных ст. 58–1 п. «б», 58–7, 58–8 и 58–11 УК РСФСР. Расстрелян 19 декабря 1954 г.

³⁶ Жданов Андрей Александрович (1896–1948) — секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК ВКП(б) (с 1934), кандидат в члены (с 1935), член (с 1938) Политбюро ЦК ВКП(б); 1-й секретарь ЛОК и ЛГК ВКП(б) (1934–1944), начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (1938–1941).

³⁷ Рюмин Михаил Дмитриевич (1913–1954) — сотрудник органов госбезопасности, полковник, заместитель министра государственной безопасности СССР. Арестован 17 марта 1953 г. 7 июля 1954 г. приговорен ВКВС к ВМН. Расстрелян 22 июля 1954 г.

³⁸ Отчет Р. А. Руденко Н. С. Хрущеву от 12 февраля 1954 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 2–4. Также см.: Заключение Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Кузнецова А. А., Попкова П. С., Вознесенского Н. А. и др. от Руденко (29.04.1954) // Там же. Л. 222–224. Позже Турко подтвердил эти показания в письме в Комитет партийного контроля. См.: Письмо Турко в КПК от 12 августа 1959 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 6. Оп. 19. Д. 35. Л. 135–142.

³⁹ Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) — советский государственный деятель, генерал-полковник, комиссар государственной безопасности 2-го ранга, министр государственной безопасности СССР (1946–1951). 12 июля 1951 г. арестован и обвинен в государственной измене и шпионском заговоре в МГБ. После смерти Сталина обвинения были изменены. Предан закрытому суду в Ленинграде и расстрелян 19 декабря 1954 г.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 4–5. Позднее Закржевская подтвердила эти показания в письме в Комитет партийного контроля. См.: Письмо Закржевской Т. В. Швернику Н. М. от 12 июля 1959 г. // РГАНИ. Ф. 6. Оп. 19. Д. 35. Л. 7–11.

⁴¹ Михеев Филипп Егорович (1902–1975) — с 1936 г. заместитель секретаря, первый секретарь Детскогольского (Пушкинского) РК ВКП(б) Ленинградской области. В 1941–1949 гг. — управляющий делами Ленинградских горкома и обкома ВКП(б). Арестован 5 августа 1949 г. 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 5–6. Позже, в 1958 г., Путинцев жаловался, что Руденко не хотел, чтобы во время этого допроса он обвинял Г. М. Маленкова, Н. А. Булганина и Л. П. Берия. Путинцев сообщал: «О фактах, касающихся участия Маленкова, Берия и Булганина в допросах арестованных по т[ак] н[азываемому] “ленинградскому делу” я еще в феврале 1954 г. пытался доложить Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко, когда он вызывал меня для допроса по делам Турко и Закржевской. Однако Генеральный прокурор прервал меня тогда и потребовал, чтобы я рассказывал ему о своей вине по двум названным делам» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 9. Д. 42. Л. 15).

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 6.

⁴⁵ Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 225. Л. 135–148; опублик.: Политбюро и дело Виктора Абакумова. С. 667.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 7.

⁴⁷ См. также: Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавской А. Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава. С. 117.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 9. Д. 42. Л. 71–79. Машинописная копия. Орфография документа сохранена. См. также: Л. 80–88. Еще 14 писем от Путинцева с 8 июля 1958 по 4 февраля 1960 г. находятся в том же самом архивном деле.

⁴⁹ Сведения о практике допросов, проведенных во время «ежовщины», доказывают, что мероприятия, о которых Путинцев рассказывает, были широко использованы и раньше. См.:

Подкур Р., Ченцов В. Документы органов государственной безопасности УССР 1920–1930-х годов. С. 277–280.

⁵⁰ Гордов Василий Николаевич (1896–1950) — советский военачальник, Герой Советского Союза, Гвардии генерал-полковник (1943), командующий войсками Сталинградского фронта в 1942 г. и рядом армий. В 1947 г. арестован, лишен званий, наград и 24 августа 1950 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован.

⁵¹ Кулик Григорий Иванович (1890–1950) — советский военачальник, Маршал Советского Союза. 11 января 1947 г. арестован по обвинению в «организации заговорщической группы для борьбы с Советской властью» и расстрелян 24 августа 1950 г. Посмертно реабилитирован.

⁵² Ворожейкин Григорий Алексеевич (1895–1974) — советский военачальник, маршал авиации. В феврале 1947 г. снят с должности, находился в распоряжении Главнокомандующего ВВС СССР и потом уволен в отставку. 11 апреля 1948 г. арестован; обвинялся в антисоветской агитации, в клевете на существующий строй, а также в приемке некачественных самолетов от промышленности в военное время. 28 апреля 1952 г. приговорен ВКВС по статьям 58–10 и 193–17 п. «а» УК РСФСР к 8 годам заключения. Реабилитирован после смерти Сталина.

⁵³ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 19. Д. 42. Л. 36–45 об., 46–49.

⁵⁴ «Ленинградское дело» — серия судебных процессов в конце 1940-х — начале 1950-х гг. против партийных и государственных руководителей из Ленинграда и других районов РСФСР.

⁵⁵ «Дело врачей» («дело врачей-вредителей или врачей-отравителей») — сфабрикованное советскими властями уголовное дело против группы видных советских врачей, обвиняемых в заговоре и убийстве ряда советских лидеров.

⁵⁶ «Дело автозаводцев» или «Дело ЗИСа», «Зисовское дело» или «Дело инженеров» — уголовное дело о «вредительстве» и «шпионаже» на автомобильном заводе имени Сталина. Кульминация антисемитской чистки в промышленности. Являлось ответвлением дела «Еврейского антифашистского комитета». В 1950 г. главный конструктор завода и другие инженеры и рабочие, всего 48 человек, из них 42 еврея, были обвинены во вредительстве по заданию сионистов и США.

⁵⁷ «Дело Еврейского антифашистского комитета» — один из эпизодов послевоенных политических репрессий в СССР. Дело было возбуждено в отношении группы еврейских общественных деятелей СССР — членов Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) в 1948 г. и продолжалось до 1952 г. Тринадцать из пятнадцати обвиняемых по уголовному делу, включая С. А. Лозовского, И. С. Фефера и других руководителей ЕАК, были расстреляны 12 августа 1952 г. Всего по делу ЕАК было репрессировано 125 человек, в том числе 23 были расстреляны и 6 умерли в ходе следствия. Впоследствии все осужденные по этому делу были реабилитированы.

⁵⁸ Лозовский Соломон Абрамович (псевд. Лозовский А., наст. фам. Дридзо; 1878–1952) — советский партийный деятель и дипломат, участник революционного и профсоюзного движения в России и Франции, публицист. Арестован 26 января 1949 г. В июле 1952 г. приговорен ВКВС к ВМН. Расстрелян 12 августа 1952 г. Реабилитирован посмертно.

⁵⁹ Серов Иван Александрович (1902–1990) — один из руководителей советских органов госбезопасности. С 25 февраля 1941 г. работал в НКВД СССР заместителем, затем первым заместителем наркома (министра) госбезопасности (до 1954 г.). Комиссар госбезопасности СССР 2-го ранга (1943). С 1945 г. — заместитель начальника ГУКР «СМЕРШ», одновременно заместитель главнокомандующего советскими оккупационными войсками в Германии. Глава Комитета госбезопасности СССР (1954–1958).

⁶⁰ Миронов Александр Николаевич (1896–1968) — сотрудник органов госбезопасности, начальник внутренней тюрьмы НКВД — МГБ СССР, полковник.

⁶¹ Соловьев Николай Васильевич (1903–1950) — председатель Леноблисполкома (1938–1946); 1-й секретарь Крымского ОК ВКП(б) (1946–1949). Арестован 5 августа 1949 г. 27 октября 1950 г. приговорен ВКВС к ВМН. Реабилитирован. См.: *Brandenberger D., Amosova A., Pivovarov N. The Rise and Fall of a Crimean Party Boss...* P. 951–971.

⁶² Бровверман Яков Михайлович (1908–1976) — сотрудник органов госбезопасности, заместитель начальника секретариата МГБ СССР, полковник. Арестован в 1951 г. по «делу Абакумова». В декабре 1954 г. приговорен к 25 годам заключения.

⁶³ Подчеркнуто неизвестной рукой от слова «преступлениях» до конца абзаца. Некоторые исследователи «ленинградского дела» считают, что злоупотребления властью на бытовом уров-

не действительно спровоцировали масштабные репрессии в Северной столице. См., например: Сушков А. В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург, 2018.

⁶⁴ Выражение «а некоторые арестованные генералы Советской Армии считались находящимися под следствием 10 лет подряд» подчеркнуто неизвестной рукой.

⁶⁵ Вознесенская Мария Алексеевна (1901–1950) — секретарь Куйбышевского РК ВКП(б) (1947–1949). Арестована 21 июля 1949 г. 27 октября 1950 г. приговорена ВКВС к ВМН. Реабилитирована.

⁶⁶ Леонов Александр Георгиевич (1905–1954) — сотрудник органов госбезопасности, начальник Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, генерал-майор госбезопасности. Арестован 13 июля 1951 г. Обвинялся в преступлениях, предусмотренных ст. 58–1 п. «б», 58–7, 58–8, 58–10 ч. 1 и 58–11 УК РСФСР и приговорен ВКВС к ВМН. Не реабилитирован.

⁶⁷ Лихачев Михаил Тимофеевич (1913–1954) — сотрудник органов госбезопасности, заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, полковник госбезопасности. Арестован 13 июля 1951 г. Обвинялся в преступлениях, предусмотренных ст. 58–1 п. «б», 58–7, 58–8, 58–10 ч. 1 и 58–11 УК РСФСР и приговорен ВКВС к ВМН. Не реабилитирован.

⁶⁸ Шварцман Лев Леонидович (1907–1956) — сотрудник органов госбезопасности, заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, полковник госбезопасности. Арестован в октябре 1951 года в связи с «делом Абакумова». После смерти Сталина обвинялся в преступлениях, предусмотренных ст. 58–1 п. «б», 58–7, 58–8, 59–10 ч. 2 и 58–11 УК РСФСР. 26 февраля 1956 г. приговорен ВКВС к ВМН. Не реабилитирован.

⁶⁹ Соколов Константин Анатольевич (1915–?) — сотрудник органов госбезопасности, заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, полковник госбезопасности. Арестован 13 июля 1951 г. Обвинялся в преступлениях, предусмотренных ст. 58–1 п. «б», 58–7, 58–8, 58–10 ч. 1 и 58–11 УК РСФСР и приговорен ВКВС к ВМН. Не реабилитирован.

⁷⁰ Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950) — председатель Государственной плановой комиссии при СНК (СМ) СССР (1938–1941, 1942–1949), заместитель (с 1939), 1-й заместитель (с 1941) председателя СНК СССР; член ГКО, член комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов; член Политбюро ЦК ВКП(б) (1947–1949). Арестован 27 октября 1949 г. 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС к ВМН. Реабилитирован.

⁷¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 225. Л. 135–148; опубл.: Политбюро и дело Виктора Абакумова. С. 672.

⁷² Михеев В. Ф., Михеев Г. Ф. «Ленинградское дело» (по материалам следственных дел) (часть II) // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 185–186.

⁷³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 538. Л. 1–13; опубл.: Политбюро и дело Виктора Абакумова. С. 97. Когда Коровин узнал об аресте своего начальника Абакумова в 1951 г., он обвинил его в злоупотреблении властью, в том числе в фальсификации протоколов допросов во время «ленинградского дела». Коровин получил выговор от другого начальника, М. Д. Рюмина, заявившего, что такая практика будет продолжаться при допросах врагов народа. См. жалобу Коровина 1962 г. в Комиссию партийного контроля: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 19. Д. 34. Л. 158–163.

⁷⁴ Некоторые исследователи утверждают, что протоколы допросов могут использоваться в качестве источников для описания мировоззрения следователей. См., например: *Exeler F. The Ambivalent State...* P. 611. Несмотря на то, что идея кажется перспективной, эта стратегия интерпретации протоколов допросов неспособна объяснить поведение и мотивацию следователей МГБ, таких как Путинцев и его товарищи. В своих письмах 1958–1959 гг. Путинцев утверждал, что просто выполнял приказы. Это правда? Или он действовал на почве идеологического фанатизма, карьеризма, любви к власти, страха прослыть непослушным или недостаточно бдительным? Такая неопределенность не дает возможности при помощи этих документов пролить свет на мотивы следователей МГБ и их начальства.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2022 г.
Рекомендована к печати 29 декабря 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бранденбергер Д. Роль насилия и фальсификаций при подготовке протоколов допросов эпохи сталинизма // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 2. С. 376–399.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.208>

Аннотация. Данная статья показывает проблематичность современных исследований, где протоколы допросов эпохи сталинизма анализируются как источники, достоверность которых несомненна. Во-первых, упомянутые исследования используют примитивную и непоследовательную методологическую базу для анализа протоколов допросов. Большинство из них подходят к проблеме без должной критики, не выражая никакого сомнения в их содержании. Другие обещают более конкретные методические приемы, но зачастую предлагают подходы, которые базируются на неподтвержденных гипотезах вместо научно доказанных принципов. Во-вторых, упомянутые исследования игнорируют недавние работы в области неврологии и когнитивной, социальной и клинической психологии, где доказывается, что принуждение и пытки подрывают способность допрашиваемых давать достоверные показания. Биомедицинские исследования показывают, что экстремальные стрессовые условия (пытки, насилие, шантаж, страх, лишение сна, недоедание, и т. д.) ухудшают функцию памяти и подрывают возможность извлечения из памяти достоверной информации, особенно негативно влияя на точность и четкость воспоминаний. Такие приемы могут существенно исказить показания или вообще спровоцировать допрашиваемых изменить их, повторять за следователем неправдивую информацию и даже оговорить себя. В-третьих, упомянутые исследования не обращают внимание на факт, что органы безопасности сталинского периода систематически фальсифицировали протоколы допросов. Протоколы, как правило, составлялись следователями, а затем просто удостоверались и подписывались допрашиваемыми — практика, которая вызывает серьезные вопросы о точности передачи слов, выражений и значений показаний, зафиксированных в протоколах. Многие следователи часто добавляли детали или «приукрашивали» признания, а другие вообще выдумывали целые заговоры с чистого листа, а затем принуждали подозреваемых ложно свидетельствовать против себя. В данной статье эти тезисы проиллюстрированы свидетельствами А. В. Путинцева, следователя органов государственной безопасности в 1941–1954 гг.

Ключевые слова: протокол, допрос, насилие, пытки, фальсификации, МГБ, НКВД, репрессии, свидетельство.

Сведения об авторе: Бранденбергер Д. — PhD (история), проф., Университет Ричмонда (США); dbranden@richmond.edu

Университет Ричмонда, США, VA 23173, Ричмонд, Вестхэмптон Вэй, 28

FOR CITATION

Brandenberger D. 'The Role of Coercion and Falsification in the Preparation of Stalin-era Interrogation Protocols', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 2, 2023, pp. 376–399.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.208> (In Russian)

Abstract: This article shows the problematic nature of modern studies that consider interrogation protocols of the Stalinist era to be reliable sources in their analyses. To begin with, these studies use primitive and inconsistent methodologies in their analysis of the interrogation protocols. Most of them approach the problem without the appropriate level of criticism, expressing little or no doubt about the content of these documents. Others, which claim to have adopted more specific methodological approaches, often base them on unverified hypotheses instead of empirically-proven principles. Secondly, these studies ignore recent work in neuroscience and cognitive, social, and clinical psychology that shows that coercion and torture undermine the ability of those under interrogation to give credible testimony. Biomedical studies have demonstrated that extremely stressful conditions (torture, coercion, blackmail, fear, deprivation of sleep and food, etc.) impair the function of the mind and erode its ability to retrieve reliable information from memory, especially affecting the accuracy and clarity of these recollections. Such techniques can significantly distort the testimony of detainees and even force

those under interrogation to change their testimony, to repeat false information provided by the investigator or to falsely incriminate themselves. Thirdly, these studies overlook the fact that state security officials of that period systematically falsified interrogation protocols. Protocols, as a rule, were drawn up by the investigators and then were simply signed by those under interrogation — a practice that raises questions about how accurately these protocols convey the actual words, expressions and meanings contained in the elicited testimony. What's more, many investigators are known to have often added details or to have embellished the confessions, while others made up entire conspiracies from scratch, before forcing the suspects to sign protocols recording their false confessions. This article illustrates these theses with evidence from the case of A. V. Putintsev, a state security investigator between 1941–1954.

Keywords: protocol, interrogation, coercion, torture, falsification, Ministry of State Security, People's Commissariat for Internal Affairs, repressions, evidence.

Author: *Brandenberger D.* — PhD in History, Professor, University of Richmond (USA);
dbranden@richmond.edu

University of Richmond, 28, Westhampton Way, Richmond, VA 23173, USA

References:

- Ananyich B. V., Paneyakh V. M. 'Forced "co-authorship" (On the publication of the collection of documents "The Academic Affair, 1929–1931", iss. 1)' in *IN MEMORIAM: Istoricheskii sbornik pamiati F. F. Perchenka* (Moscow — St Petersburg, 1995). (In Russian)
- Ananyich B. V. 'The "Academic Affair" as a historical source', *Istoricheskie zapiski*, no. 2 (210), 1999. (In Russian)
- Blasgrove M. 'Effects of Length of Sleep Deprivation on Interrogative Suggestibility', *Journal of Experimental Psychology: Applied*, vol. 2, no. 1, 1996. <https://doi.org/10.1037/1076-898X.2.1.48>
- Brandenberger D., Amosova A., Pivovarov N. 'The Rise and Fall of a Crimean Party Boss: Nikolai Vasil'evich Solov'ev and the Leningrad Affair', *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 6, 2019. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1636935>
- Chekists in the dock. A collection of articles*, ed. by M. Junge, L. Viola, J. Rossman (Moscow, 2017). (In Russian)
- Dumitru D. 'An Analysis of Soviet Postwar Investigation and Trial Documents and Their Relevance for Holocaust Studies', in *The Holocaust in the East: Local Perpetrators and Soviet Responses*, ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin (Pittsburgh, 2014).
- Dyukov A. R. 'On the question of the admissibility of using investigative evidence obtained by the OGPU — NKVD', *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. Istorii*, no. 3 (47), 2018. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2018-3-8> (In Russian)
- Dyukov A. R. 'The head of State Security of Lithuania A. Povilaitis at Lubyanka. The problem of the reliability of investigative testimony', *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. Istorii*, no. 1 (53), 2020. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-1-4> (In Russian)
- Dyukov A. R. "The Protectorate of Lithuania". *Secret cooperation with the Nazis and the unrealized scenario of the loss of Lithuanian independence* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Exeler F. 'Nazi Atrocities, International Law and Soviet War Crimes Trials', in *The New Histories of International Criminal Law: Retrials*, ed. by I. Tallgren, T. Skouteris (Oxford, 2019).
- Exeler F. 'The Ambivalent State: Determining Guilt in the Post-World War II Soviet Union', *Slavic Review*, vol. 75, no. 3, 2016. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.3.0606>
- Fong A. 'Interrogations and False Confessions: How the Innocent are Made Guilty', *Southern California Review of Law and Social Justice*, vol. 30, no. 2, 2021.
- Ganin A. V. *Everyday life of the General Staff under Lenin and Trotskii* (Moscow, 2016). (In Russian)
- Generals and officers of the Wehrmacht testify... Documents from the investigative files of German prisoners of war, 1944–1951*, ed. by V. G. Makarov, V. S. Khristoforov (Moscow, 2009). (In Russian)
- Grigorian A. M., Milbakh V. S., Chernavskaiia A. N. *The political repression of the command staff of the Leningrad military district (1937–1938)* (St Petersburg, 2013). (In Russian)
- Hebb D. O., Heron W., Bexton W. N. 'The Effects of Isolation upon Attitude, Motivation and Thought', *Military Medicine I: Defense Research Board 4th Symposium*, Ottawa, 8–10 December 1952 (Ottawa, 1952).
- Ilmjärvi M. *Silent Submission. The Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania between the two wars and the loss of independence (from the mid-1920s to the 1940 annexation)*. (Moscow, 2012). (Rus. Ed.)

- Junge M. 'Opportunities and problems of studying the Great Terror with the help of sources of 1938–1941 and 1954–1961 (the torturers' interrogations)', *Istoriia stalinizma: repressirovannaia rossiiskaia provintsia. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, Smolensk, 9–11 October 2009* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Kantor Yu. *Mikhail Tukhachevskii's War and Peace* (St Petersburg, 2005). (In Russian)
- Kassin S., Drizin S., Grisso T., Gudjonsson G. H., Leo R. A., Redlich A. D. 'Police-Induced Confessions: Risk Factors and Recommendations', *Law and Human Behavior*, vol. 34, 2010.
- Khaustov V., Samuelson L. *Stalin, the NKVD and repressions, 1936–1938* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Khokhlov D. Yu. 'Archival criminal cases as a source on the history of the Second World War', *Trudy Instituta Rossiiskoi istorii RAN*, iss. 12 (Moscow, 2014). (In Russian)
- Kiianskaya O. I., Feldman D. M. 'The testimony of A. Garri on the situation of foreign correspondents in the USSR (1930)', *Voprosy literatury*, no. 4, 2016. (In Russian)
- Kuromiya H. *The Voices of the Dead. Stalin's Great Terror in the 1930s* (New Haven, 2015).
- Annals of the UPA. New series. T.9: The Struggle against the insurgent movement and the nationalist underground: protocols of the interrogations of leaders of the OUN and UPA arrested by the Soviet state security agencies. 1944–1945*, ed. by O. Ishchuk, S. Kokin (Kiev — Toronto, 2007). (In Ukrainian)
- Lupien S., Drizin S., Grisso T., Gudjonsson G. H., Leo R. A., Redlich A. D. 'The Effects of Stress and Stress Hormones on Human Cognition: Implications for the Field of Brain and Cognition', *Brain and Cognition*, vol. 65, iss. 3, 2007.
- Mikheev V. F., Mikheev G. F. 'The "Leningrad Affair" (on the base of the investigatory files) (pt 2)', *Modern History of Russia*, no. 1, 2013. (In Russian)
- O'Mara S. *Why Torture Doesn't Work. The Neuroscience of Interrogation* (Cambridge, 2015).
- Paneyakh V. M. 'On the disputes over the "Academic case" 1929–1931 and other fabricated political processes' in *Rossiia i problem evropeiskoi istorii: Srednevekov'e, novoe i noveishee vremia. Sbornik statei v chest' chlena-korrespondenta RAN S. M. Kashanova* (Rostov, 2003). (In Russian)
- Penter T. 'Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators', *Slavic Review*, vol. 64, no. 4, 2005.
- Penter T. 'Local Collaborators on Trial. Soviet War Crimes Trials under Stalin (1943–1953)', *Cahiers du Monde russe*, vol. 49, no. 2–3, 2008.
- Podkur R., Chentsov V. *USSR state security documents of the 1920–1930s: A historiographic analysis* (Ternopol, 2010). (In Russian)
- Prusin A. V. "Fascist Criminals to the Gallows!" The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945 — February 1946', *Holocaust and Genocide Studies*, vol. 17, no. 1, 2003.
- Repnikov A. V. 'On the experience of publishing documents of investigative cases of a political nature', *Gumanitarnyi Vestnik*, no. 4, 2012. (In Russian)
- Rokityanskii Ya. G. 'Golgotha of Nikolai Vavilov: a biographical sketch', in *Sud palacha. Nikolai Vavilov v zastenakh NKVD. Biograficheskii ocherk. Dokumenty* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Rokitianskii Ya. G. 'N. V. Timofeev-Resovskii in Germany and at the Lubyanka', *Rassekrechennyi Zubr. Sledstvennoe delo N. V. Timofeeva-Resovskogo. Dokumenty* (Moscow, 2003). (In Russian)
- Roosendaal B., Drizin S., Grisso T., Gudjonsson G. H., Leo R. A., Redlich A. D. 'Stress, Memory and the Amygdala', *Nature Reviews Neuroscience*, vol. 10, no. 6, 2009.
- Rossman J. *Worker Resistance Under Stalin Class and Revolution on the Shop Floor* (Cambridge, 2005).
- Sokolov M. V. 'A Eurasianist Writes to the Generalissimo (According to the materials of the archival and investigative case of P. N. Savitsky)' in *Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Ezhegodnika 2012–2014*, ed. by M. A. Kolerov (Moscow, 2015) (In Russian)
- Sokolov M. V. 'Prague reportage before the execution: Alexander Potekhin. "The face of emigration" (1932)', *Russkii sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii*, vol. 16, 2014. (In Russian).
- Tepliyakov A. G. *The Machine of the Terror. The OGPU — NKVD of Siberia in 1929–1941* (Moscow, 2008). (In Russian)
- The Politburo and the Viktor Abakumov Affair. A collection of documents*, ed. by O. B. Mozokhin (Moscow — Berlin, 2021). (In Russian).
- The Investigative Case of Patriarch Tikhon. A collection of documents based on the materials of the Central Archive of the FSB of the Russian Federation*, ed. by N. A. Krivova (Moscow, 2000). (In Russian)
- Vatlin A. Yu. *Regional terror. The "mass operations" of the NKVD in the Kuntsevskii district of the Moscow region, 1937–1938* (Moscow, 2004). (In Russian)

Viola L. 'New Sources on Soviet Perpetrators of Mass Repression: a Research Note', *Canadian Slavonic Papers*, vol. 60, no. 3–4, 2018. <https://doi.org/10.1080/00085006.2018.1497393>

Viola L. *Stalinist Perpetrators on Trial: Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine* (New York, 2017).

Zhuravlev S.V. 'Judicial-investigative and prison-camp documentation' in *Istochnikovedenie noveishei istorii Rossii. Teoriia, metodologiya, praktika*, ed. by A. K. Sokolov (Moscow, 2004). (In Russian)

Received: September 12, 2022

Accepted: December 29, 2022